

чи, мы прислушиваемся къ благозвучію собственныхъ словъ, къ шумихѣ своихъ фразъ... «Представителямъ наукъ и искусствъ—одно только дѣло: какъ бы-сейчасъ сдѣлать чудо, создать что либо такое, чтобы всѣмъ стало ясно, что до нихъ не было и нѣтъ ничего подобнаго, никакой науки и никакого искусства...» (ibid.)

Присоединеніемъ *этическихъ* началъ къ своей дѣятельности, мы, однако, нисколько не измѣняемъ, не оставляемъ своей прежней дѣятельности, ея родъ и ея пользу въ условіяхъ требованій современной жизни и современнаго образованія нашего. Такъ, напр., въ дѣятельности нашей эстетической, въ служеніи искусству, какъ мы уже видѣли, эстетическое начало, при этомъ, не уничтожается, но принимаетъ лишь подчиненное положеніе, начинаетъ служить намъ *инымъ* лишь образомъ. Напрасно, поэтому, думаетъ гр. Толстой, что «содѣйствіе наше народу можетъ начаться только тогда, когда люди науки и искусствъ будутъ жить среди трудящихся людей въ тѣхъ же условіяхъ и такъ же какъ они...» Но вы, послѣ всего сказаннаго нами о гр. Толстомъ, уже догадались о причинѣ, заставившей его облечь свою мысль именно въ эту крайнюю, парадоксальную форму: онъ теперь—въ одномъ изъ своихъ *моментовъ*—въ моментъ увлеченія физическимъ трудомъ,—и потому, оставаясь вѣрнымъ своей привычкѣ «объективировація», объективируетъ и этотъ моментъ, обобщая требованія его на всѣхъ... Остальные роды труда для него—не трудъ даже, а парадъ, шутовство, обманъ: ученый, художникъ должны пахать, должны возить навозъ и т. п.—и только тогда они, по мнѣнію гр. Толстого, будутъ «честно кормиться»...

Мы же, сведя «крайность» гр. Толстого къ пропорціямъ ея и очистивъ ее отъ всего, что примѣшалось сюда личнаго, автобіографическаго—получимъ въ парадоксальномъ ея